

УДК: 81'366.58; 811.163.1; 81'42; 81'37

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ В ЦЕРКОВНЫХ ТЕКСТАХ

Меречина С.И.

*Казанское высшее артиллерийское командное училище
(военный институт), г. Казань, Россия*

В статье ставится проблема переосмысления семантики грамматических темпоральных форм в связи с включением их в систему средневековой христианской символики. Влияние конфессионального фактора на процесс символизации глагольных форм времени рассматривается на примере переводческой деятельности Максима Грека и на материале орнаментальных древнерусских произведений Кирилла Туровского

Ключевые слова: символизм, христианство, время, вечность, глагол

Актуальность. Изучение явления символизации темпоральных форм глагола в древнерусских церковных текстах представляет актуальность с точки зрения исторической морфологии, так как расширяет горизонт нашего познания о способах и формах выражения времени в древнерусских произведениях.

Постановка проблемы. Отображение средневековой христианской ментальности в контекстуальном пространстве древних литературных памятников отмечается такими учеными, как В.В. Колесов [1993], О.Ф. Жолобов [1997], Н.Б. Мечковская [1998], В.М. Кириллин [2000]. Однако внимание исследователей, главным образом, направлено на анализ фактов, связанных с проявлением числовой символики в средневековых произведениях, и на рассмотрение взаимодействия языка и религии в качестве двух самобытных знаковых систем. Влияние конфессионального фактора на восприятие грамматической формы времени в лингвистической литературе не учитывается. В результате представления о функционировании древнерусской темпоральной системы глагола, о возможностях передачи глагольными образованиями транспозиционных значений оказываются неполными.

Наличие же имеющихся ассоциативных связей между той или иной глагольной формой и определенным символическим планом в произведениях религиозного характера делает необходимой постановку проблемы переосмысления семантики темпоральных образований в памятниках церковной литературы.

Возникновение грамматического символизма в указанных формах было обусловлено двумя факторами: своеобразием христианского мирозерцания, предполагающего двойственную природу ощущения времени, и повышенным вниманием к Слову Священного Писания и богослужебных книг, к его грамматическому оформлению.

Двумерное восприятие категории времени (как линейного, исторического и как циклического, «вращающегося», «повторяющегося») хорошо выразилось в известном

изречении Екклезиаста (1-ая книга Соломона): «**что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотвореное, тожде имать сотворитъся. И ни что же ново подъ солнцемъ. Иже возглаголетъ и речеть: се сіе ново, уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ преже насъ**» [Екклезиаст 1, 9, 10; цит.:1, с. 257]. Вследствие этого земное, иллюзорное время в сознании людей Христианского Средневековья приобретало смысл только в соотношении с непреходящим временем Священной истории.

Огромную роль в процессе символизации временных форм глагола сыграло и особое отношение к религиозной внешности и к слову в целом. В средневековом социуме небольшое изменение вероучительной формулы, синонимические или морфологические замены воспринимались как ересь, нарушение правописания – как отход от православия [6, с.70].

Показателен в этом случае судебный процесс Собора 1525 года над Максимом Греком, на котором ему было предъявлено обвинение в еретических взглядах по догматическому вопросу о времени «сидения Христа одесную отца». Бурная реакция ортодоксально настроенных книжников, отстаивавших традиционные чтения, была вызвана морфологическими заменами форм глагола, сделанными Максимом при переводе с греческого языка на церковнославянский текстов Священного Писания. Прения митрополита Даниила с древнерусским писателем по данному вопросу составляют первую часть «Судного списка Максима Грека и Исака Собаки»:...**Максим иннок Святогорец говорил, и учил Михаля, и писал о Христе, яко сидение Христово одесную отца мимошедше и минувшее, яко же адамово селение в Ран и прямо рая седение, тако и Христово сидение одесную отца мимошедее. Где было в здешних книгах написано: и Христос възде на небеса и седе одесную отца, а ниде седяй одесную отца, или седяща, и он то зачернил, а нное выскреб, а вместо того написал: седев одесную отца, а ниде седевшого одесную отца есть, а в ѡном месте написал седел еси одесную отца**» [7, с.90].

В ходе судебного разбирательства митрополит Даниил с целью аргументации выдвинутого против Максима обвинения ссылается на авторитет Отцов церкви и велит ему «**прочести свидетельства от вожественных писаний, от Евагния, и от Апостола, и от прочих сице**», в которых используются «правильные» формы [7, с. 90-92].

Из данного документа можно сделать вывод о том, что употребление презенса или архаичной формы аориста, в представлении средневековых книжников, «сигнализировали» на морфологическом уровне о том, что **сидение Христове одесную отца яко не мимошедшее есть, но превечно и безконечно** [7, с. 125], а зловое причастие и причастие на -въ; -вши в данном случае противопоставлялись отмеченным глагольным образованиям так же, как план «вечного» противопоставлялся плану «временного».

В результате такого восприятия грамматическая форма осознавалась как некий знак, ассоциирующийся с конкретным символическим планом, и являлась важным составляющим священного текста. Именно поэтому изменение грамматической формы рассматривалось не только как нарушение общепринятых книжных норм, но и как еретическое искажение богослужебных текстов.

Тесная связь грамматической формы с определенной религиозной символикой и сильное влияние христианского мирозерцания на функционирование глагольных образований проявляется в основном в текстах Священного Писания, более значимых, чем остальные произведения древнерусской литературы. Именно они, являясь

первоисточником христианского учения и осознаваясь как нечто непререкаемое и истинное, не подлежали в христианском понимании исправлению. Главное здесь – удержать, не исказить первоначальный смысл «Книги Бытия».

Другие произведения древнерусской церковной литературы (проповеди, молитвы и т.д.) подразумевали под собой не само Откровение Бога, записанное его учениками, а лишь приобщение к нему людей. Это как бы тексты «второго порядка» [6, с. 205], представляющие ту или иную адаптацию первичного текста (Слова Бога), поэтому в них не обнаруживается указанная строгая «закрепленность» грамматической формы с определенным символическим планом. Однако включение библейских сюжетов в ткань произведения, использование определенной сакральной тематики и христианской символики в церковных текстах в данном случае также способствовало переосмыслению грамматических форм как неких знаков-символов, несущих важную смысловую нагрузку.

Например, в «Словах» и «Молитвах» Кирилла Туровского, выдающегося древнерусского писателя конца XII столетия, презенс в силу своего обобщенного категориального значения, указывающего на ситуацию, не локализованную во времени, часто ассоциируется с «вечным», «вездесущим» планом Божественного Бытия, а претеритальные формы отражают линейную историческую последовательность происходящего.

В качестве примера здесь можно привести «Слово на Вознесение Господне» и рассказ древнерусского писателя о еретике Арии в «Слове на собор святых отец...»

«Слово на Вознесение Господне»	«Слове на собор святых отец...»
<p>Тамо во ангельская силы и архангельская воинства: ови облакы крилы вѣтръними приносятъ на възятіе от земля Христа Бога нашего, друзни же прѣстол хѣровимьскый готовить... Небеса веселятъся своя украшающе свѣтила, да благословятъся от своего Творца, съ плътню сквозѣ тѣх врата на облацѣх възносима. Земля радується видящи на себе Бога явьствьно ходяща, и вся тварь красується от Еленьскыя горы просвѣщаема, яко на той ангелы съ святыми апостолы, по повелѣнню Бога Отца, съвъкупншася, ожидающе сыновья пришествія (Сл. на Възн. [2, с. 341].</p>	<p>О сих же всѣх препрѣша и посрамиша еретикы, и прокляньше вогохульника Ария, издрнуша и ис церкви, и прославиша Исуса Христа, Сына Божия суща, и утвердиша церковь апостольскими заповѣдми. Научиша же вся въровати в Святую Троицу, единосущьну и нераздѣльну, Отца и Сына и Святаго Духа, и повелѣша поклонятися в Троици единому Богу. Бысть же сий первый събор при Костянтинѣ святѣм цесари, в 20-ное лѣта цесарства его [2, с. 346-347].</p>

При сравнении первого примера, в котором описывается ожидание Воскресения Сына Божьего, со вторым примером, в котором представлены реальные исторические факты, связанные с осуждением взглядов Ария на Никейском соборе 321 года, можно заметить кардинальные отличия в их грамматическом оформлении. В библейском

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ В ЦЕРКОВНЫХ ТЕКСТАХ

сюжете используются, главным образом, формы настоящего времени: Кирилл Туровский замедляет действие, и поэтому течение времени практически не ощутимо (мы как будто оказываемся вне времени, в вечном пространстве). В примере с Арием время, напротив, реально и конкретно, оно указывает на последовательность определенных событий, совершившихся в прошлом. Отсюда – превалирование претеритальных образований.

Смысловое содержание текста, его тематическая направленность у Кирилла Туровского часто подкрепляется специально заданным количеством грамматических форм, что также приводит к сакрализации описываемых событий и указывает на их мистико-символическое значение. Наиболее заметное место в произведениях Кирилла Туровского занимает троичная символика: триадические конструкции являются составляющими элементами более или менее распространенных текстовых блоков, некоторые из которых включают в себя до 19 компонентов (1 генерализирующий компонент и 6 триад).

Днесь во своя Христос всѣм раздаваетъ дары: 1 (1) даетъ Отцу принесеню нмь в жертву плоть, 2(1) посылаетъ апостолом Святыи Дух, 3(1) въводитъ душа святыхъ пророк в небесное царство, 1(2) раздѣляетъ своимъ угонникомъ горняго града обители, 2(2) отверзаетъ праведникомъ рай 3(2) вѣнчаетъ страдавшая за нѣмъ мученики, 1(3) посылаетъ страстотерпцемъ чудесъ благодать, 2(3) даетъ святителемъ душеполезная прошения, 3(3) отпущаетъ грѣшникомъ прегрѣшения, 1(4) милуетъ вся творящая волю его и хранящая заповѣди его, 2(4) посылаетъ благовѣрнымъ княземъ нашимъ съдравне телесы и душамъ спасение и врагомъ одолѣние, 3(4) утверждаетъ церкви, 1(5) обогащаетъ церковныи, 2(5) честныи творить служащая емю нерѣя и дьяконы, 3(5) освящаетъ монастырѣ, 1(6) прославляетъ нгумены, 2(6) укрепляетъ на търпѣние мнихи, 3(6) благославляетъ вся крестьяны, малыя с великыми, нищя с богатыми, рабы с свободными, старыи с юнотами и женимыя с дѣвницами, матери с младенци, сироты с вдовицами [2, с.343].

Данная сложная текстовая структура, состоящая из шести триад, образует своеобразную иерархическую лестницу, начинающуюся от Бога-Отца и заканчивающуюся упоминанием всего христианского народа. Первые три триады характеризуют действия Иисуса Христа, относящиеся к небесной обители, оставшиеся три представляют действия Иисуса по отношению к земному миру, отражая тем самым на лексическом и на синтаксическом уровне семантическую оппозицию «небо - земля», включающую в себя и противопоставление «вечного» и «бренного». Само понятие «настоящего» растягивается, включая в себя все многообразие действий Иисуса Христа. Это приводит к двоякому восприятию времени: с одной стороны, время как будто существует, что подчеркивается сменой глагольных словоформ, обозначающих смену действий субъекта; с другой стороны, оно застывает, преобразуется в «вечность».

Таким образом, учет специфики религиозного мышления способствует проведению более глубокого анализа функционирования глагольных форм времени, выявлению «скрытых» смыслов, заложенных в контекстуальном пространстве священных текстов.

Выводы. 1. Двойственное отношение к времени, характерное для Средневековой Руси, и особое понимание языкового знака в древнерусских церковных произведениях не только приводили к процессу переосмысления глагольных форм времени и закрепления

за ними определенной символической значимости, но и оказывали влияние на символично-христианское умозрение древнерусских писателей.

2. Ассоциация темпоральной формы с тем или иным символическим планом выводило грамматическую форму за рамки выражения исключительно грамматического значения: грамматическая форма воспринималась не только как компонент определенной замкнутой грамматической системы, но и как конкретный языковой элемент композиции, который подразумевает связь с общим контекстом христианской культуры.

Список литературы

1. Блаженный Августин. – *О градѣ Божием*. – Киев: Тип. Горбунова И.И., 1905.
2. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. - Т. 12. - М.Л.: АН СССР, 1956.
3. Жолобов О.Ф. О числовых символах в древнерусском текстообразовании // *Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11-17 Jahrhunderts Peterlang*. 1997.
4. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI – XVI века). – СПб.: Алетейя, 2000.
5. Колесов В.В. Символ как семантически системообразующий компонент в текстах Кирилла Туровского // *Русский язык донационального периода: проблемы исторического языкознания*. – Вып. 4. – СПб, 1993.
6. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: ГРАНД, 1998.
7. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака // Под ред. Шмидта С.О. – М.: Археографическая комиссия АН СССР, 1971.

Меречина С.И. СИМВОЛІЧНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ДІЄСЛІВНИХ ФОРМ ЧАСУ В ЦЕРКОВНИХ ТЕКСТАХ

В статті ставиться проблема переосмислення семантики граматичних темпоральних форм у зв'язку з включенням їх до системи середньовічної християнської символіки.

Ключові слова: символізм, християнство, час, вічність, дієслово

Merechina S.I. SYMBOLICAL INTERPRETATION OF TEMPORAL VERBAL FORMS IN THE CHURCH TEXTS

In the article the problem of the meaning's grammatical temporal forms reconsideration is put in connection with their inclusion in the medieval Christian symbol system. The influence of the confessional factor on the process of symbolization verbal temporal forms is considered by the sample of Maxim's The Greek translation activity and on the material of original old russian works of Cyril Turovskiy.

Key words: symbolism, Christianity, time, eternity, verb

Поступила в редакцію 23.02.2007 г.